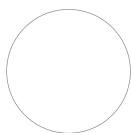

Денис Драгунский

Денис Драгунский

**Автопортрет
неизвестного**

Роман

**РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д72

Оформление переплета – *Ирина Драгунская*

Драгунский, Денис Викторович.

Д72 Автопортрет неизвестного : роман / Денис Драгунский. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. – 480 с. – (Проза Дениса Драгунского).

ISBN 978-5-17-107932-1

Денис Драгунский – прозаик, журналист, известный блогер. Автор романов «Архитектор и монах», «Дело принципа» и множества коротких рассказов.

«Автопортрет неизвестного» – новый роман Дениса Драгунского. Когда-то в огромной квартире сталинского дома жил академик, потом художник, потом министр, потом его сын – ученый, начальник секретной лаборатории. Теперь эту квартиру купил крупный финансист. Его молодая жена, женщина с амбициями, решила написать роман обо всех этих людях. В сплетении судеб и событий разворачиваются таинственные истории о творчестве и шпионаже, об изменах и незаконных детях, об исчезновениях и возвращениях, и о силе художественного вымысла, который иногда побеждает реальность.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107932-1

© Драгунский Д.В., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Und dies Büchlein ist die Urne
Mit der Asche meiner Liebe.
Heine**

* *Эта книжечка – урна
с пеплом моей любви.*

Гейне

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Главные:

Виктор Яковлевич Риттер, старый писатель.

Игнат Щеглов, его ученик, молодой писатель.

Борис Аркадьевич Бубнов, очень богатый человек.

Юля Бубнова, его жена.

Сергей Васильевич Перегудов, министр специального приборостроения.

Римма Александровна, его жена.

Алексей Сергеевич Перегудов, их сын, начальник Лаборатории № 8.

Лиза, его жена.

Лена Сотникова, его подруга.

Генриетта Михайловна Карасевич, профессор.

Оля, ее дочь.

Петр Никитич Алабин, известный живописец.

Алексей Иванович Бычков, проходчик Метростроя, Герой труда.

АВТОПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО

Аня, жена сначала Бычкова, потом Алабина.

Вася, сын Алексея и Ани Бычковых, пасынок Алабина.

Марина Капустина, бывшая любовница Алабина.

Таня Капустина, ее падчерица.

Николай Евлампиевич Колдунов, искусствовед и критик.

В эпизодах:

Иосиф Виссарионович Сталин, председатель Совета Министров СССР.

Павел Павлович Челобанов, знаменитый художник.

Тоня, дочь Сергея Васильевича Перегудова от первого брака.

Миша Татарников, сосед и друг юности Алексея Перегудова.

Николай Петрович Хлудов, генерал КГБ.

Любовь Семеновна, подруга и компаньонка Риммы Александровны.

Наташенька, жертва обстоятельств.

Не действуют, но постоянно упоминаются:

Ярослав Диомидович Смоляк, начальник Управления специальных разработок.

Саул Маркович Гиткин, учитель рисования.

Леонид Васильевич Бажанов, авиаконструктор.

Антон Вадимович Капустин, зам. главного архитектора Москвы.

Пролог.

Риттер

Юля Бубнова решила написать роман. Но Виктор Яковлевич Риттер забыл слово «навигатор».

Это случилось на вернисаже в одной из московских не слишком знаменитых галерей. Была выставка из длинной серии КБХ, то есть «Клуб бывших художников», затея дочери адвоката Туманова, старого приятеля Риттера, вот поэтому Риттер туда и пошел, хотя на самом деле ему было не так уж интересно. Но надо поддерживать хорошую девочку. Девочку сорока с лишним лет, извините. Девочку и ее папу, который над каждым дочкиным проектом держал ладони домиком. Возможно, поэтому успехи ее были столь скромны, — подумал Риттер. Но тут же прикусил свой мысленный язык и стал думать в более благожелательном направлении. О том, что вообще проект очень милый и отчасти возвышенный в смысле справедливости. Рассказать о художниках, которые когда-то были известны — хоть официально, хоть наоборот, в маленьких кружках ценителей, — но потом были забыты напрочь.

В этот раз выставляли этюды и иллюстрации громоздкого соцреалиста Петра Алабина; архитектурные наброски Антона Капустина, в 1930-е годы заместителя главного архитектора Москвы; эскизы театральных костюмов Леонтины Карасевич, в которой только и толку, что она была ассистенткой Бакста в студии Званцевой, то есть в каком-то смысле учительницей Шагала; две картинки и четыре «правки» (то есть исправленные ученические работы) художника-педагога Саула Гиткина. Особым открытием могли стать рисунки критика и искусствоведа Николая Колдунова, который, как оказалось, кроме написания гнусных погромных статей рисовал еще очаровательные натюрморты цветными карандашами. В духе позднего Митрохина, но раньше, чем это делал Митрохин, что особенно удивительно.

Но в целом — ничего выдающегося.

Риттер стоял в полутемном зале — как всегда, галерея располагалась в просторном холодном помещении с кирпичными стенами, крашенными черной масляной краской, — а картины (вернее, картинки, картиночки) были освещены узкими лампами в стальных кожухах. Риттер пришел без жены, и разговаривать было не с кем. Он поцеловал и похвалил устроительницу выставки Ирочку Туманову и, отойдя в сторону от всех групп и парочек, беседовал с Сашей Тумановым, ее папой. Так, ни о чем, о погоде и о такси (пора была уже ехать домой). Риттер говорил, что в прежние годы таксисты были знатоками города. Всех его улочек, переулков и проходных дворов. Риттер даже рассказал, что один его сосед — давно дело было, они тогда еще с родителями жили в коммуналке, — и вот соседский сын пришел из армии с водительскими правами и подался в таксисты. Так вот, рас-

сказывал Риттер, он все Садовое пешком прошел, все развороты и перекрестки запомнил, и центр тоже, ножками, ножками, и только потом за руль сел. Туманов кивал, соглашался, что-то говорил о настоящих рабочих, слесарях шестого разряда, об официантах-стариках, которых теперь тоже не осталось, и, конечно, о старых таксистах, которые знали Москву лучше любого сыщика.

— А теперь они все ездят с этими... — Риттер запнулся. — Ну, как их... Путеуказчиками... Следопытами, что ли...

Туманов вежливо молчал. Наверное, полагал, что подсказывать бестактно, или же думал о чем-то своем.

— Ну, такая как будто живая карта, на планшете, со стрелкой, около руля прикреплена, показывает дорогу, — говорил Риттер, мучаясь от невозможности вспомнить простое, всем известное слово.

Казалось, что по всей голове бегают какой-то шарик, маленький, как маковое зернышко, но тяжелый, металлический, блестящий. Как шарик в казино? Нет, как шарик в редкостной детской игре, она была у него когда-то: размером в нынешний смартфон, но потолще. Зеленый суконный прямоугольник, накрытый сверху стеклом, и там несколько лунок с цифрами, и катается шарик, и надо, покачивая игрушку, загонять шарик в лунки. А еще там проволочные рамки, которые помогают шарiku попасть в лунку с цифрой 5, но мешают попасть в лунку с цифрой 100. Риттер вспомнил, как он бесился, тряс этот микробильярд и в конце концов разбил его. Не с досады, а случайно. Уронил на пол и разбил. Быстро, чтоб мама не заметила, мокрой газетой собрал с полу осколки стекла и выбросил сломанную игрушку в мусорное ведро. А шарик закатился куда-то под шкаф.

Но вот теперь он выкатился, и носился внутри голы Риттера, и никак не мог попасть в нужную лунку. Холодный пот выступил у него на лбу, и стало тесно в груди — от страха, что наступает старческое слабоумие, вот и первый сигнал. И тут вспомнил: «Навигатор!»

— По навигатору ездят! — громко сказал он Саше Туманову, который внимательно на него смотрел. — Только по навигатору!

— Да, да. Ты вообще как себя чувствуешь?

— А что?

— Красный стал как свекла. Давление?

— Не знаю. Черт знает. Я домой пойду, пожалуй.

— А фуршет?

— Спасибо, дорогой. — Риттер покачал головой.

— Ира! — крикнул Саша Туманов дочери. — Писателя надо доставить домой!

— А фуршет? — тоже спросила подбежавшая Ирочка. — Виски у нас сегодня — класс, вы же любите виски!

— Боюсь, — сказал Риттер. — Что-то как-то я... Еще раз тебя поздравляю. Роскошный проект на самом-то деле. А кое-что продать можно. Гиткина точно можно. А Колдунова надо еще раскрутить.

— Наверное. Я вам вызову «Убер»?

— Спасибо, Ира дорогая. Возьми денег. У тебя же к карточке привязан?

— Что вы, что вы... — Она стала отпихивать пятисотрублевую бумажку.

— Тогда пойду пешком, и ты будешь виновата!

— Хорошо, хорошо.

Они с Ирочкой еще раз обнялись и поцеловались под пристальным и отчасти тревожным взглядом ее папы. Разумеется, он тревожился не за здоровье старого приятеля. Он тревожился за дочь свою, у которой

была манера заводить романы с папиными друзьями, из-за чего все время откладывалось ее замужество, семья, дети и прочие патриархальные радости, о которых так тосковали Саша Туманов и его жена Соня, Ирочкина мама. Им хотелось внуков, а Ирочке хотелось...

«Чего ты хочешь, деточка?» — спросил ее однажды Риттер. Она приехала к нему домой, привезла папину рукопись: адвокат Туманов написал документальную повесть из юридической жизни и просил друга Риттера посмотреть и дать свою честную профессиональную оценку. Жены дома не было, жена была в Германии у сына — сын Митька там сначала учился, а потом женился на немке. Ирочка вдруг распустила волосы и стала долго причесываться, глядя на свое отражение в книжном шкафу, а потом застыла и стояла так минуты полторы, а потом повернулась и туманно посмотрела на него в упор. «Чего ты хочешь, деточка?» — «Просто жить!» — громко и отчаянно засмеялась она, раскинула руки и повторила: «Жить, дядя Витя! Вы понимаете?» Риттер покивал, улыбнулся в ответ, но вот и всё.

Туманов строго глянул на руку Риттера, в ходе прощального объятия легшую на Ирочкину талию. Так строго и сурово, что Риттер почти почувствовал ожог. Как будто лазером! Он медленно поднял руку по Ирочкиной спине, до ее затылка, потрепал ее по голове и успокоительно поглядел на Сашу.

Потому что в данном случае он был совершенно чист и непорочен и недостойных помыслов в сердце своем не лелеял.

Ирочка посадила его в такси и еще раз чмокнула в щеку.

По дороге домой Риттер читал в уме стихи наизусть, вспоминал имена книжных героев, точные хи-